

Чингиз Абдуллаев

ОППОНЕНТЫ ЕВРОПЫ

МОСКВА

СУПЕРАГЕНТ ДРОНГО

ЛЕГЕНДА РОССИЙСКОЙ БОНДИАНЫ

Чингиз Абдуллаев

ОППОНЕНТЫ ЕВРОПЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Оппоненты Европы / Чингиз Абдуллаев. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Суперагент
Дронго. Легенда российской бондианы).

ISBN 978-5-04-221614-5

Частный детектив Дронго приглашен на международную политическую конференцию в бельгийский город Брюгге. Он и еще несколько высокопоставленных гостей решают ехать поездом. Сразу после отправления в вагоне первого класса происходит убийство, убит турецкий посол – один из участников конференции. Понятно, что преступление совершено одним из пассажиров либо проводником. Но кем именно? Дронго немедленно начинает расследование, в его планах – поймать убийцу до прибытия в Бельгию. Вот только сделать это очень непросто, ведь преступник – профессионал и он не сидит сложа руки в ожидании разоблачения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221614-5

© Абдуллаев Ч.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Когда-нибудь, когда не станет нас, точнее — после нас, на нашем месте возникнет тоже что-нибудь такое, чему любой, кто знал нас, ужаснется. Но знавших нас не будет слишком много.

Иосиф Бродский

В реальности существуют только три самых верных друга — старая книга, старая собака и наличные деньги.

Бенджамен Франклин

Глава 1

Он терпеливо ждал на площади Королевы Астрид, прогуливаясь рядом со зданием музея, когда к нему подошел мужчина среднего роста в черном пальто и черной шляпе, которые носят обычно ортодоксальные евреи. Характерные пейсы и седая борода не оставляли никаких сомнений. Мужчина подошел ближе, улыбнулся и протянул руку ожидавшему его гостю, приветливо начав по-английски:

— Мне приятно приветствовать вас в нашем Антверпене, господин Дронго.

— Я тоже рад вас видеть, господин Зингерман, — ответил гость. Он был высокого роста. Запоминающееся лицо, внимательные глаза, большой выпуклый лоб, широкие плечи.

— Были в музее? — спросил Зингерман, показывая на здание за спиной гостя. Это был известный на весь мир Музей бриллиантов, который посещал почти каждый гость, прибывающий в этот город. До восьмидесяти пяти процентов всех бриллиантов проходили через руки мастеров Антверпена, который справедливо считался мировым ювелирным центром.

— Еще раз зашел, — признался Дронго, — я и раньше приезжал в ваш чудесный город. И мне вообще нравится посещать ваш музей. Искусство старых мастеров всегда поражает...

— Если бы вы знали, какие мастера были до войны, — вздохнул Зингерман, — мне рассказывал о них мой дедушка. Они успели буквально перед приходом немцев сбежать в Англию на небольшой яхте, которой владела наша семья, и поэтому спаслись. Здесь были настоящие волшебники, потомственные ювелиры в пятом и шестом поколениях. К сожалению, многих уничтожили пришедшие сюда нацисты. Но многие и уцелели, успев эвакуироваться или просто сбежать. После войны семьи

начали возвращаться, чтобы снова поселиться в Антверпене. Но это были уже совсем другие мастера. Даже из тех, кто эмигрировал и снова вернулся. Исчезла неповторимая аура старого города...

— Я вас понимаю, — кивнул Дронго.

— Мы вернулись только в сорок восьмом, — продолжал Зингерман, — мне было тогда всего восемь лет. Но я прекрасно помню, как мой дед тосковал без своего родного города, в котором жили восемь поколений его предков. Восемь поколений, господин Дронго, — подчеркнул ювелир, — и это больше двухсот пятидесяти лет. Мои предки поселились в этом благословенном городе еще в конце семнадцатого века, переехав сюда из Амстердама.

— Именно поэтому вы считаетесь одним из самых опытных ювелиров этого города, — заметил Дронго.

— Не только я один, — усмехнулся Зингерман, — нас четверо двоюродных братьев, у которых есть свои магазины в Антверпене, Амстердаме, Париже и Цюрихе. Хотя наша семья всегда помнит о том, что один из наших братьев был ограблен в Париже на крупную сумму.

— Грабителя нашли?

— Мы точно знаем, кто это был, — загадочно произнес ювелир, — но он до сих пор не арестован, хотя тогда унесли ценностей на довольно большую сумму. Особенно если пересчитать в деньгах по сегодняшнему курсу.

— И кто был этим грабителем? — поинтересовался Дронго.

— Вы, — ответил Зингерман, — вы тогда ограбили магазин моего кузена в Париже. И это было одно из самых шумевших ограблений в мире.

— У меня другой жанр, — рассмеялся Дронго, — несколько иная профессия. Я обычно ищу грабителей...

— Я знаю, чем вы занимаетесь, — добродушно возразил ювелир, — но именно тогда старший брат моего отца открыл довольно большой магазин в Париже, которым руководил его сын, мой кузен. И именно вы его и ограбили...

Дронго понял, о чем именно говорит ювелир.

— Значит, это был магазин вашего кузена?

— Да, — кивнул Зингерман, — как видите, у нашей семьи есть личные счета с вами.

Оба рассмеялись.

— Вы провели тогда неслыханный трюк, — продолжал ювелир. — Узнали фамилию комиссара полиции, который курировал этот париж-

ский район, и позвонили от его имени нашему родственнику, пояснив, что сейчас приедут грабители, которые находятся под контролем полиции. И вы не рекомендуете оказывать сопротивления грабителям, так как при выходе из магазина преступники будут арестованы с поличным.

— Комиссар Барианни, — вспомнил Дронго, — все так и было. Мы позвонили вашему родственнику и попросили его помочь нам в задержании особо опасных преступников. Чтобы он и его охрана не оказывали особого сопротивления. Просили помочь полиции задержать преступников. Потом мы вошли в магазин, взяли ценности и ушли под довольный смех вашего родственника и сотрудников его магазина, которые с удовольствием выдали нам ценности, предвкушая момент, когда нас арестуют на улице. А потом они следили за тем, как мы уезжаем. Кстати, он и его люди ждали довольно долго, минут двадцать, пока не поняли, что их просто разыграли.

— Но как вам удался подобный трюк? — поинтересовался Зингерман. — Насколько я понял, вы почти не владеете французским.

— Нет, — хитро улыбнулся Дронго, — действительно не владею. Но нас было двое.

Я и мой французский друг, переводчик, с которым я обычно работал. По моему предложению он позвонил в полицию и узнал имя комиссара. А потом от его имени позвонил ювелиру, рассказал о якобы готовящейся засаде. Мы выбрали новый магазин, где хозяином был приехавший из Бельгии ювелир, который не сумел бы достаточно точно отличить голос настоящего комиссара от голоса моего переводчика. И самое главное, что нас было двое. Но в отчете Интерполу я не стал упоминать о переводчике, чтобы не подводить его, ведь по французским законам он совершил самое настоящее мошенничество. Его могли привлечь к уголовной ответственности и за обычный грабеж. Поэтому я не стал упоминать о его помощи. А мою изобретательность тогда особо отметили. Кстати, разве ценности ему не вернули?

— Вернули через месяц. Но в истории нашей семьи это был особый случай. Зингерманы обычно не поддаются на подобные провокации.

— Больше я подобных «трюков» не делал, — признался Дронго, — наоборот, обычно искал преступников, которые грабят ювелиров.

— Об этом я знаю, — ответил Зингерман, — именно поэтому хотел лично встретиться с вами, чтобы поблагодарить за вашу помощь

нашей семье в Кейптауне. Вы очень хорошо поработали, господин эксперт. И наша фирма предложила мне встретиться с вами и выразить благодарность в любой удобной для вас форме.

— Я уже получил гонорар, — напомнил Дронго, — я считаю, что это нормальная форма взаимоотношений. И не будем больше говорить об особой форме благодарности. Это неправильно и даже унижительно. Профессионализм как раз и заключается в том, что вам платят за вашу хорошую работу, если она действительно хорошая.

— Спасибо. В любом случае мы собирались особо отметить вашу работу. Вы всегда можете на нас рассчитывать.

— Спасибо за ваше предложение. Я буду иметь его в виду.

— А вы сами возвращаетесь в Италию? Или собираетесь куда-нибудь в другое место?

— Я еду в Брюгге, — ответил Дронго, — там будет конференция, и я в числе приглашенных.

— Прекрасно, — обрадовался Зингерман, — как раз там мы вас и найдем. Там будет и наш представитель. Позвольте мне еще раз поблагодарить вас и пожелать вам счастливого пути. Машина вам нужна? Как вы собираетесь добираться до Брюгге?

— На поезде, — показал Дронго в сторону вокзала, — насколько я помню, отсюда чуть больше часа до Брюгге на вашем экспрессе.

— Верно, — согласился Зингерман, — я сам предпочитаю поезда. Удобно и быстро. В таком случае позвольте вас еще раз поблагодарить и пожелать счастливого пути. Хотя нет. Давайте сделаем иначе. У меня есть немного времени, и я провожу вас до вокзала. Заодно вы расскажете мне все подробности вашего расследования в Кейптауне.

— Договорились, — согласился Дронго, — пойдемте вместе.

— А где ваш багаж?

— На вокзале. Я решил, что мне будет неудобно катить за собой свой чемодан. Или ходить с ним в музей. Он в камере хранения.

Зингерман понимающе кивнул, и они повернули в сторону вокзала. Идти было совсем недалеко. Вокзал находился на другой стороне площади. Зингерман внимательно слушал эксперта, не перебивая его, и лишь дважды уточнил некоторые детали состоявшегося расследования. Они почти дошли до вокзала. Дронго тепло попрощался с ювелиром и пошел доставать свой багаж. Из соседней ячейки небольшой чемодан доставала миловидная молодая

женщина лет тридцати. Она мельком взглянула на Дронго и отвернулась. Тонкие губы, чуть удлиненный нос, светлые глаза. Незнакомка была шатенкой. И очевидно, натуральной. У нее позвонил телефон, и она достала его из сумочки. Быстро ответив, убрала телефон обратно. Дронго набрал код, открыл дверцу и забрал свой чемодан, она вытащила свой. И оба почти одновременно захлопнули дверцы своих отсеков. После чего взглянули друг на друга и отошли в разные стороны.

Он пошел к своему вагону, когда услышал за спиной недовольные голоса. Мужчина и женщина громко спорили по-русски.

— Я много раз говорил тебе, Эльвина, что это невозможно, — нервно произнес мужчина, — и ты каждый раз настаиваешь с такой эмоциональностью и напором, словно речь идет о твоей жизни. Неужели непонятно, что это просто невозможно.

— Если бы ты был более внимательным и настойчивым, то все могло бы повернуться иначе, — возражала дама.

— Нам нужно ехать именно сегодня, и именно в этом вагоне, — напомнил мужчина, — я тебе уже сто раз объяснял.

— Можно было встретиться уже в самом Брюгге. Или в другом месте, — раздраженно повторяла женщина.

Они прошли близко, едва не касаясь Дронго. Обоим было лет под пятьдесят. Плотные, упитанные, с похожими круглыми лицами, они продолжали ругаться, с трудом поспевая за носильщиком, который толкал тележку с их тремя чемоданами.

У вагона первого класса они остановились. Здесь были двухэтажные вагоны, и женщина нервно потребовала, чтобы их вещи подняли на второй этаж.

— Это неудобно, — возразил мужчина.

— Ты всегда готов спорить, Геннадий, по любому поводу, — разозлилась женщина, — значит, я должна сидеть внизу и ничего не видеть? Тебе нравится меня унижать?

— Нам ехать до Брюгге только один час, — напомнил муж, — ты не понимаешь, что из-за твоей прихоти сейчас чемоданы поднимут на второй этаж, а потом в Брюгге я должен буду сам спускать все три чемодана вниз. Где мы там найдем носильщика? Говорят, что это небольшой город.

— Значит, спустим сами, — громко возразила жена.

— Представляю, как ты будешь спускаться по узкой лестнице свой чемодан, — отмахнулся Геннадий, — заноси сюда, — показал он в сторону первого уровня.

— Нет, пусть поднимет наверх, — заупрямилась Эльвина, — ты сам говорил, что нам нужно быть на втором уровне вагона первого класса.

— Я могу подняться туда и без тебя, — сказал Геннадий.

— Когда ты что-то в жизни делаешь без меня, у тебя всегда все получается наперекосяк, — ядовито заметила женщина.

— Ну и черт с тобой, — решил муж, — пусть поднимают наверх. Не можешь спокойно посидеть один час. Пусть поднимает...

— Не ори, — потребовала супруга, — мы находимся в Европе, где всегда можно найти тележку и носильщика. Мы не где-нибудь у себя в Мухосранске.

— Дура, — выдавил сквозь зубы супруг.

Дронго терпеливо дожидался, пока вещи этой семейной пары поднимут наверх. Следом за ними туда поднялась миловидная молодая женщина, которую он видел у камеры хранения. У нее были чемоданчик и сумка от известной французской фирмы, уже много лет занимавшейся багажом и ставшей самой известной

маркой во всем мире с характерными коричневыми логотипами.

К Дронго подошли еще две незнакомки, которые имели при себе небольшие чемоданчики. Девушки были похожи друг на друга, и казалось, что это сестры. Хотя приглядевшись, можно было понять, что одна из них, в строгих очках и темном элегантном брючном костюме, несколько старше. Ей было чуть больше сорока. Ее спутница была гораздо моложе. Ей было не больше двадцати пяти лет. Одета в джинсы и светлую майку, она казалась даже моложе своих лет. Обе незнакомки о чем-то весело переговаривались, поднимаясь на второй уровень вагона первого класса. Но они говорили достаточно тихо, и он не слышал, на каком языке они общались, хотя ему показалось, что это был один из славянских языков.

— Здравствуйте, господин Дронго, — неожиданно услышал эксперт у себя за спиной и обернулся. Мимо проходил итальянский журналист Элиа Морзоне. Невысокого роста, тщедушный, почти не имевший плеч, похожий на извивающуюся гусеницу, Морзоне был одним из тех «разгребателей грязи», которые есть почти в каждой стране. Этот журналист обычно выдавал надуманные сенсации и опублико-

вал часто клеветнические статьи, сознательно устраивая провокации против известных особ. Именно благодаря подобным журналистам эта профессия стала презируемой и похожей на первую древнейшую. Дронго поморщился, увидев этого журналиста. Он знал репутацию скандалиста и провокатора Морзоне.

— Тоже в Брюгге? — оживленно спросил журналист. — Как это удобно. Я давно хотел сделать с вами интервью.

— К сожалению, я буду там не очень долго, — холодно отрезал Дронго.

— Ничего, — радостно заметил Морзоне, — мы с вами постараемся найти время. Кстати, там будет и Рамас Хмайн. Вы его не знаете, но я вас обязательно познакомлю. Мой коллега из Бирмы. Очень талантливый журналист.

«Наверное, такой же «объективный журналист», как и Морзоне», — подумал Дронго. Ничего не сказав, он повернулся спиной к журналисту. Морзоне не обиделся. Покатив свой чемодан, он поспешил в соседний вагон второго класса.

Дронго пропустил двух женщин, которые поднимались первыми, и, взяв свой чемодан, также поднялся на второй уровень. В дальнем конце вагона уже сидели двое мужчин, один

из которых был достаточно известным человеком в Европе. Это был Фредерик Гиттенс, один из еврокомиссаров, представляющих Бельгию в Европарламенте. Ему было около шестидесяти лет, среднего роста, седой, в крупных роговых очках, он занимался вопросами евроинтеграции в нынешнем составе Европарламента. Рядом с ним сидел неизвестный Дронго мужчина лет сорока. Судя по внешности, он был из южных стран, скорее из Турции или Греции. Невысокого роста, черноволосый, с характерной щеточкой темных усов, он что-то негромко говорил Гиттенсу, который, соглашаясь, кивал в ответ.

Дронго обратил внимание, что одна из поднявшихся молодых женщин, которая была старше своей спутницы, поправила очки и удивленно посмотрела в сторону Гиттенса и его спутника. Затем медленно, словно не веря своим глазам, кивнула головой, здороваясь с незнакомцем. Он привстал, приложив руку к сердцу, и также кивнул в ответ. Гиттенс несколько удивленно посмотрел и на своего спутника, и на эту женщину.

Дронго, знавший еврокомиссара, решил не подходить к ним ближе и уселся несколько в стороне от них. Геннадий и Эльвина продолжали переругиваться уже гораздо тише, чем

раньше. Две молодые женщины, вошедшие перед Дронго, уселись в другом конце вагона, продолжая негромко переговариваться. Иногда обе весело смеялись. За несколько секунд до отхода поезда в вагон поднялся еще один мужчина. Высокого роста, с рыжеватой бородкой и усами, в светлом костюме. Он забросил свою сумку наверх и, усевшись в кресле, достал газету «Файненшл таймс»...

«Срез Европы», — подумал Дронго, — все как обычно. Типичная компания для вагона первого класса, где путешествуют представители многих государств Европы. Границы больше не существует, все перемешалось».

Он не мог даже предположить, что буквально через несколько минут станет невольным свидетелем убийства, которое прославится как одно из самых невероятных преступлений в Европе. Последствия этого преступления будут еще долго обсуждаться во всем мире.

Поезд тронулся, набирая скорость. Дронго достал газеты, чтобы тоже начать читать, когда услышал обращенный к нему вопрос:

— Простите, что я вас беспокою. Мне показалось, что вы подошли к вокзалу с господином Зингерманом. Или я ошиблась?